

УДК 330.342.01

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА:
МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ****В.З. Баликов**

Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия

E-mail: balikoev1941@yandex.ru

В статье анализируются причины и факторы развития современной российской экономики, определяющие продолжительность ее переходности; в работе выдвигается тезис и приводятся доказательства того, что российская экономика в данный конкретный исторический момент все еще находится в переходном состоянии; делается вывод о невозможности точно зафиксировать временные рамки переходной экономики.

Ключевые слова: переходность, целостность, приватизация, преемственность, продолжительность.

**THE MODERN RUSSIAN ECONOMY:
BETWEEN PAST AND FUTURE****V.Z. Balikoev**

Novosibirsk State Academy of Architecture and Arts

E-mail: balikoev1941@yandex.ru

The causes and factors of development of the Russian economy, determining the duration of transitivity are analyzed. The conclusion about the impossibility of accurately record the time frame of the transitive economy is made.

Key words: transitivity, integrity, privatization, continuity, duration.

С начала рыночных реформ прошло уже 23 года. Термины «рынок», «рыночная экономика», «рыночная система», «рыночное хозяйство» так часто употребляются экономистами, политиками, социологами, просто всеми слоями населения, что создается впечатление, что в России действительно функционирует рыночная экономика. Эта мысль постоянно декларируется и официально. Именно из этой идеи исходят и при разработке соответствующих планов и программ развития экономики России. Кризис 2008–2009 гг. и современный вялотекущий экономический кризис как бы подтверждают этот тезис. Ведь экономические кризисы являются объективно необходимым атрибутом рыночной экономики, выполняя в ней роль хищника в стаде животных – санитарную, профилактическую, очистительную, стимулируя наиболее эффективные предприятия и отбраковывая слабые и неэффективные производства.

Автор данных строк всегда утверждал, что в данном случае, увы, желаемое выдается за действительное [1, с. 365]. Реальная картина все же другая. В силу этого исходные позиции (информационная база) множества хозяйственных решений изначально оказываются теоретически и практически некорректными, так как они рассчитаны на самостоятельно действующую

щий рыночный механизм, которого еще нет. Отсюда происходят многие наши просчеты и откровенные ошибки в экономическом развитии сегодня. Очень торопимся, забегаем вперед, а отсутствие развитого рыночного механизма отбрасывает нас назад. Ведь настоящий рынок – это совокупность объективных экономических законов. А они не работают по воле и сознанию людей. Следовательно, все эти попытки забегаания вперед сопровождаются громадными экономическими потерями, где главное – потери времени. Достаточно привести пример манипулирования ключевыми ставками Центробанком во времена экономического кризиса 2008–2009 гг. и сегодня. Благие намерения Центробанка оборачиваются труднодоступными кредитами для предприятий реального сектора, которые задыхаются от нехватки кредитных ресурсов. И это в стране, в которой банки не знают, куда девать деньги. Хотя в соответствии с императивами кейнсианства и элементарной политикой дорогих и дешевых денег, во время кризиса деньги, наоборот, должны быть наиболее доступными. Аксиома монетарной политики.

В чем же заключаются наша торопливость и поспешность? Чтобы это понять, нам необходимо сначала уяснить несколько простых истин и определиться с тем, где мы собственно находимся, на каком экономическом и историческом этапе развития. Присоединяясь к мнению большого ряда экономистов [2, 3, 6], автор абсолютно убежден в том, что российская экономика в данный конкретный исторический момент все еще находится в переходном состоянии. Это состояние невозможно охарактеризовать как Целостность внешних и внутренних (внутрисистемных) связей. Первые заключаются в воздействии внешней среды на Систему (Целостность) и, наоборот, Системы на внешнюю среду. Вторые связи – внутрисистемные, повторяясь постоянно, возобновляясь, воспроизводясь, держат Систему в состоянии целостности изнутри.

Известно, что любая социально-экономическая система развивается под воздействием трех групп факторов: природно-климатических, производственно-экономических и социокультурных и проходит в своем развитии три стадии – становление, зрелость и закат. Естественно, закат одной системы одновременно является зарождением и становлением другой. Это аксиома исторической преемственности общественных систем. Поскольку историческое развитие, по определению, не может быть дискретным, переходная экономика, в сущности, и представляет собой состояние в развитии экономики именно в этот исторический момент (период), когда общество идет от одной целостной системы к другой. В этот момент главной отличительной чертой переходной экономики является переплетение в ней генетически разнородных – социально и экономически – элементов, отношений. Переходность характеризует промежуточное состояние общества, переломную эпоху, эпоху социальных, экономических и политических потрясений, преобразований, которые не могут реализоваться в относительно короткие исторические сроки. Так, например, переход от рабовладения к феодализму был реализован за 1500 лет, а от феодализма к капитализму за 500 лет. Переход от капитализма к социализму в СССР длился 45 лет, но здесь, согласно формационной теории общественного развития, сам социализм является переходной ступенью к коммунизму. Следовательно, мы с полной уверенностью можем констатировать, что в СССР с 1917 и до 1992 г.

переход к следующей целостной системе состоялся весьма относительно. Это за 75 то лет! А мы на фоне такой исторической статистики исходим из того, что у нас функционирует рыночная экономика. За 23 года.

Удивительно то, что в целом, теоретически Правительство страны де-юре так не считает. На федеральном портале PROTOWN. RU размещена статья, где утверждается, что Россия все еще находится в переходной экономике [10]. Однако вся экономическая и хозяйственная деятельность Правительства свидетельствует о том, что оно рыночную экономику считает состоявшейся.

Между тем необходимо учесть одну, очень важную особенность современной переходной экономики России. Если переходы от рабовладения к феодализму и далее по исторической лестнице осуществлялись по восходящему тренду – от простого к сложному, ступенчато, то переход к рыночной системе в России осуществляется по историческому тренду в обратном направлении. То есть переход совершается не от зачатков рыночных отношений к развитой системе чистого капитализма (к рынку совершенной конкуренции), как когда-то происходило на Западе, а от командной системы к смешанной. Это значит, что Россия в своем развитии как бы проскочила определенный исторический его этап и теперь просто возвращается назад, к нему. Слово «назад» здесь означает лишь то, что Россия возвращается к пропущенному историческому этапу, но в экономическом отношении, развитии идет вперед, к более совершенной и эффективной экономической системе. Россия в данный исторический момент осуществляет, выражаясь фигурально, «возвратно-поступательное» движение вперед. Сложность такого перехода состоит в том, что в практике исторического развития человечества отсутствует опыт такого перехода. Похожих прецедентов в истории не было. Стало быть, и перенимать исторический опыт не у кого. Все происходит впервые [1, с. 384]. Именно по этой причине особенно остро, конфликтно и противоречиво реализуются специфические черты переходной экономики, которые в совокупности и каждая в отдельности подтверждают переходность нашей экономики. Что и как конкретно? Несколько примечательных штрихов.

1. *Господство в переходном обществе переходных экономических форм.* В экономике одновременно сосуществуют отношения сменяемой и сменяющей экономических систем. Экономика представляет собой клубок противоречий между старыми, умирающими (общественной собственности) и новыми, устанавливающимися (частной собственности) экономическими формами. Существенное методологическое значение имеет то положение, что сами переходные формы не являются и не могут быть конечной целью развития. Они всего лишь средство достижения основной, главной цели – становления новой целостной системы. Поэтому и занимают промежуточное положение между законченными системами. Переходные экономические формы выражают взаимосвязь, противоречивость, скачкообразность развития социума к состоянию целостности.

2. *Неустойчивость переходной экономики.* Она определяется постоянным поиском новых экономических форм, более эффективных и более динамичных. Здесь меняется цель общественного развития. Если в обычной целостной устойчивой системе целью развития является ее самосохране-

ние и развитие, то в условиях переходной экономики – трансформация в другую систему.

3. *Историческая самобытность и специфичность переходной экономики* для каждой конкретной страны. Национальные, культурные, религиозные, демографические особенности, особенности в целом исторического развития не могут не сказываться на процессе преобразований. Например, сегодня, в переходную эпоху, перед тысячелетней Россией вновь встала проблема ее самоидентификации, самосохранения. Как было в XV–XVI вв. Такая проблема обычно стоит перед молодыми государствами. Но от того простого факта, что Россия после 1992 г. вернулась к своему территориальному состоянию 1757 г., никуда не деться. Что с народами, с которыми Россия совместно создавала российскую империю, а затем и СССР, теперь необходимо искать взаимопонимание и сотрудничество на другом, международном уровне. А это значит, что в процессе преобразований России необходимо найти новые формы и стимулы перехода, адекватные национальным традициям и ценностям, и опираться на них. В первую очередь, определиться точно, конкретно и понятно – кто Мы в этом новом качественном состоянии. И забыть о каких бы то ни было «вестернизации», «китаизации» или «догоняющей модернизации».

4. *Переходной экономике свойственна альтернативность развития.* Это значит, что итогом переходной экономики может быть что-то новое, более передовое в социально-экономическом отношении. Переходная экономика категорически исключает только одно – возврат к прежнему состоянию. Здесь уместно напомнить слова русского мыслителя И. Ильина: «Система не помнит своего прошлого». Конечно, скорость проведения реформ может измениться, могут сместиться акценты самой реформы, направления ее протекания, но возврат к прошлому категорически исключается.

5. *Инерционность переходной экономики* вытекает из процесса воспроизводства всех общественных отношений и исключает дискретность общественного развития. Воспроизводство объективно предусматривает сохранение в длительной перспективе в переходной экономике старых, отмирающих экономических форм, чтобы постепенно перестроить их в новую, более передовую хозяйственную систему. Вся суть инерционности заключается в обеспечении преемственности переходной экономики с исходным состоянием и плавной его трансформации, эволюции в новую целостную систему, более совершенную. Кроме того, инерционность воспроизводства – экономическая закономерность, которая объективно обуславливает необратимость эволюции переходной экономики и т.д.

В экономической литературе специфические особенности переходной экономики разработаны достаточно подробно и в гораздо большем количестве. Однако автор остановился на тех из них, которые наиболее полно теоретически и методологически подчеркивают существо данной работы.

Автор в первой части своей работы изложил азбуку переходных систем, которая, к сожалению, плохо или недостаточно известна современному читателю. В основном из-за сокращения программ изучения экономической теории или смещения акцентов в них. А знать теорию переходных систем необходимо, ибо она является знанием не только фундаментальным, но и отражением нашей сегодняшней реальности. Именно на этом знании ба-

зируется развитие современной российской экономики. Из ее же незнания вытекают и ошибки в планах и программах современного экономического развития. Автор и пытается донести до читателя в данной работе эти простые, но такие необходимые знания в теории переходных систем.

Итак, мы констатировали безусловность переходности нашей российской экономики. Определили ее основные специфические особенности. Для чего нам понадобилось доказывать очевидные вещи? Во-первых, эти очевидные вещи не так очевидны в хозяйственной практике нашего правительства. Во-вторых, автор главной целью своей работы считает определение временных параметров переходной экономики, ее длительности, если хотите, продолжительности существования нашей переходности. Сделать это невозможно без опоры на столь очевидную переходность нашей экономики. Вопрос непростой. Дать на него однозначный, конкретный ответ практически невозможно. И тем не менее попытаемся определить временные границы переходного периода. Заранее оговоримся. Это не 23, не 35 и даже не 45 лет. Так конкретизировать временные параметры переходной экономики может только прожектор. Ясно одно – они по определению не могут быть исторически кратковременными. Одно дело – переходить к следующей по исторической лестнице целостной системе и совсем другое – по этой же лестнице обратно.

В переходном периоде от капитализма к социализму, во времена тотального отрицания всего опыта предыдущего развития и строительства новой социальной системы с чистого листа, в условиях диктатуры пролетариата, только через 19 лет сделали вывод о том, что «...в СССР социализм в основном построен» [5]. При этом постоянно и на разных уровнях разъясняли, что это надо понимать следующим образом: условия для возвращения к капитализму ликвидированы – частная собственность и буржуазия как класс. Несмотря на огромное желание КПСС показать успехи, опередить время, только на XXII съезде в 1962 г. был сделан вывод о том, что «социализм в СССР победил полностью и окончательно». Через 45 лет после революции завершен был переход к первой фазе коммунизма – социализму. Сегодня ситуация значительно сложнее, так как речь идет о «возвратно-поступательном» движении в развитии. Где труднее и медленнее реализуются закономерности переходного периода? Наверное, в последнем случае. Ведь во всех предыдущих случаях гены последующего общественного строя зарождались в недрах предыдущего. Вызревали в нем, развивались как в утробе матери и когда вырастали до состояния противоречия с предыдущим строем, в результате революции или глубокой реформаторской деятельности, приходили ему на смену. Несмотря на исключительно острые противоречия, революционные бури, все социально-экономическое развитие социума ложилось в русло исторического тренда. Согласно диалектике, предыдущий общественный строй как бы вынашивал в себе систему, которая должна была ее сменить. В нашем случае такого вынашивания последующего общественного строя в самом себе не было. И не могло быть. Почему?

Не будем затрагивать в своем анализе все закономерности переходной экономики – в рамки одной статьи их полноценно все равно не уложить – остановимся лишь на самых существенных. И в первую очередь на транс-

формации отношений собственности. Вряд ли кому-нибудь необходимо доказывать, что отношения собственности являются фундаментальными, системообразующими в любом обществе. Они постоянно эволюционируют и совершенствуются не только в переходный период – во всех странах с экономикой на любом уровне социально-экономического развития. Но в странах с развитой рыночной системой отношения собственности эволюционируют в направлении роста уровня их обобществления. Например, в США – цитадели рыночной системы – около 10 млн человек работают на предприятиях, полностью или частично принадлежащих им самим. Не говоря уже о процессах обобществления в форме развития акционерного капитала и различных видах социального партнерства. А в России они развиваются «назад к рынку» в виде развития форм приватизации, т.е. к исходной точке. Процесс эволюции наоборот. Эволюция отношений собственности идет в направлении отчуждения объекта собственности от субъекта. Под субъектом собственности здесь понимаются трудящиеся, коллективы предприятий и частные собственники.

В результате приватизации монополия общественной (государственной) собственности была подорвана, что, собственно, и было главной целью приватизации. Но непродуманность реформ, их спонтанное начало в самый неподходящий экономический момент дали совершенно неожиданный результат. Значительная часть наиболее эффективных и в этом смысле самых привлекательных предприятий оказалась в руках частных лиц, не имевших к ним никакого отношения – высшая и самая абстрактная форма отчуждения. Например, Красноярский алюминиевый завод, Находкинский морской порт, головное предприятие будущего ЮКОСа и т.д. Другая значительная часть предприятий оказалась в руках так называемых «красных директоров» и управляющих, обеспечивших себе контрольные пакеты акций акционируемых предприятий. Ведь они сами готовили подведомственные предприятия к приватизации, разрабатывали ее условия и правила. Результат – почти полное отчуждение собственности от рабочего класса. В рамках закона о приватизации, конечно. Однако обвальная и огульная приватизация не привела к созданию экономически эффективного собственника. Развитие отношений собственности и формирование эффективного собственника – параллельные процессы. Процессы, заметим, мучительные и во времени очень длительные. По определению, развал, расхищение собственности – под какими бы лозунгами они не происходили – не могут привести к созданию эффективного собственника. «Торопливость не к добру», предупреждал нас В. Шекспир устами Гамлета. Авторский тезис о нашей торопливости особенно рельефно выглядит в сравнении с более продуманными решениями.

В 1978 г. М. Тэтчер стала Премьер-министром Великобритании под лозунгом приватизации государственной собственности, доля которой зашкаливала за всякие разумные рамки в экономике страны – законодательнице мод рыночной системы – 49 %. Она за 12 лет правления, исполняя предвыборные обещания, свела долю государственной собственности до 38 %. За 12 лет! И это в стране с самой развитой рыночной системой, в которой рыночный механизм функционирует лучше, чем где бы то ни было. В России же основной этап приватизации прошел за 4 года – в условиях полного

отсутствия рыночных механизмов. Естественно, новые собственники так и не стали ими в экономическом смысле слова. Они не проявили особой заинтересованности в расширении и техническом и технологическом совершенствовании производства. Если собственник на Западе вырастал параллельно развитию рыночных отношений, при этом ему противостоял частный же собственник в другой (феодалной) экономической форме, то у нас в России частный собственник не вызревал, стало быть, не вызрел в недрах предыдущего общественного строя. Но все-таки скоропалительно возникнув, он развивается очень медленно, слишком медленно для успеха проводимых реформ, ибо его эволюция происходит в враждебной ему социальной среде. Все усилия в развитии предпринимательства, демонополизации экономики, формировании инфраструктуры рыночной экономики по существу направлены на создание эффективного собственника. Но по большому счету это субъективистский процесс. Волонтаризм с большой буквы. Собственник создается в процессе объективного экономического развития как результат длительной экономической эволюции. Он не создается кем-то, тем более в определенные конкретно сроки. Он вызревает как таковой. Как тут не вспомнить известного киносценариста из «Покровских ворот» – «насиленно осчастливить человека нельзя». В экономике это означает – собственника искусственно, по чьей бы то ни было воле создать невозможно. В итоге эффективный собственник остается пока что несбыточной экономической мечтой социума. Отсюда вопрос – когда в России появится эффективный собственник – риторический? Но ответив на него, мы ответим одновременно и на вопрос о продолжительности переходной экономики во времени.

Мы уже выше говорили о неустойчивости переходной экономики. Проблемы развития отношений собственности и неустойчивости переходной экономики не просто тесно связаны, а взаимообусловлены. Неустойчивость переходной экономики, особенно в России, проявляется и в постоянном раздергивании государственной собственности. В стремлении еще больше сократить ее долю в общественном производстве. В связи с этим одной из труднейших задач переходной экономики в России является контроль за органами, распоряжающимися государственной собственностью и проводящими ее разгосударствление и приватизацию до настоящего времени. Эти два процесса не всегда проходят с пользой для государственного бюджета. Так, например, приватизация крупнейшей энергетической компании России – РАО ЕЭС не просто ничего не дала в государственную казну, но последняя понесла значительные потери из-за финансирования указанной приватизации за государственный счет. Г-н Прохоров – один из крупнейших олигархов России – получил от государства 82 млрд руб., чтобы купить часть энергетических сетей именно за эту сумму. Впоследствии он эту сумму вернул государству за счет доходов от электроэнергетики, но получается, что своих денег он в эту покупку не вложил ни копейки. Он занял деньги у тех, у кого купил. Выходит, он просто получил постоянный источник дохода, притом гарантированный источник, даром. Но даром ли – вот в чем вопрос? Другой пример – дело «Оборонсервиса». Судебный процесс еще идет, выяснится еще очень многое, но 6 млрд руб. потерь государства от такой приватизации уже озвучены. Это примеры решений последних семи лет.

В 1990-е гг. государственную собственность так скоротечно распродавали, что были подорваны законодательные, исполнительные и другие функции самого государства как общественного института. Оно к 1998 г. уже практически никакого экономического и политического влияния в обществе не имело. Пришло время новоиспеченных олигархов. А ведь государственная собственность во всем мире используется в интересах национальной экономики как главный инструмент ее регулирования. Совершенно очевидно, что в каждой стране в соответствии с ее национальной спецификой она должна иметь определенный удельный вес. Таким образом, существо вопроса заключается в установлении нормальных, эффективных пропорций между государственным и негосударственным секторами экономики. В Великобритании это, например, 38 и 62 % соответственно. В Италии – 28 и 72 %. В России, вероятно, в силу особой роли государства в этой гигантской, многонациональной, многоконфессиональной и мультикультурной стране, тем более в условиях переходной экономики, их соотношение, как минимум, не может быть меньше, чем в Англии. Наоборот – значительно больше в пользу государственной собственности. Государство вынуждено объективно упрочивать свои экономические позиции потому, что оно должно быть настолько сильным, насколько это необходимо в интересах регулирования экономики страны. Ведь государство является единственной наднациональной, надклассовой силой, заинтересованной в любое время сохранить свою целостность и единство. С этой точки зрения состояние безвластия как результат огульной приватизации (времена Б.Н. Ельцина) способно скорее привести государство к диктатуре, чем прочная, базирующаяся на крепком экономическом фундаменте государственность. И этот крепкий экономический фундамент – государственная собственность. Государство в переходной экономике должно выступать и выступает как единственная сила, способная выполнить роль интегратора общества, консолидировать все его прогрессивные силы. Но для этого оно должно укрепить свою собственную социально-экономическую и материально-техническую базу. В настоящее время российскому государству по существу приходится бороться за утверждение своей особой роли в переходной экономике.

Подводя итог анализу отношений собственности, можно сделать очевидный вывод – в России в условиях переходной экономики нет какой-либо господствующей формы собственности, задающей «правила игры». Можно предположить, что это частная собственность. Однако «правила игры» задаются не самой частной собственностью, не ее субъектами, а государством и то в значительно большей части не экономическими рычагами, а своим законодательством – правовым механизмом. Недаром в Конституции РФ декларируется наличие в стране «множественности форм собственности». Следовательно, отношения собственности в России еще не определились в своих формах окончательно, не развиты, не кристаллизованы. Они находятся в процессе поиска этих форм и установлении их долевой структуры. И снова мы вынуждены поставить вопрос – когда закончится этот процесс?

Учитывая тот неоспоримый факт, что несформировавшиеся отношения собственности объективно обуславливают несформировавшуюся социально-классовую структуру общества, проблема оказалась значительно актуальнее и острее. Поясним. Целостная плановая общественно-экономи-

ческая система социально и классово четко и ясно очерчена: она базируется на общественной собственности на средства производства (97 %) в двух своих основных формах – государственной и колхозно-кооперативной. Им соответствуют два субъекта собственности – рабочий класс и колхозное крестьянство. Правящим классом является рабочий класс. Его интересы тождественны государственным. После XXII съезда КПСС уровень обобщения государственной собственности поднимается до «государственной, общенародной» и ее субъектом становится и интеллигенция, так называемая «социальная прослойка» между рабочим классом и крестьянством. В соответствии с этим формируется и общественная или государственная идеология – коммунистическая. Естественно, с позиций этой идеологии формируются и развиваются национальные, культурные, религиозные отношения и особенности построения общества. Общественный интерес превалирует над личным интересом. Правящий класс – рабочий, тесно сотрудничающий с колхозным крестьянством. Их идеологию разрабатывает, формирует, продвигает и защищает Коммунистическая партия. Все признаки целостной социально-экономической системы налицо.

Целостная рыночная система столь же ярко и четко очерчена. Частная собственность в различных своих формах является господствующей. Однако допускается существование и других форм собственности: кооперативной, коллективной, акционерной, государственно-частной и государственной. Но «правила игры» диктует частная собственность. Субъект частной собственности – буржуазия. Она же и является правящим классом в форме многопартийной системы. Интересы буржуазии совпадают с интересами государства. В соответствии с этим господствующей официально идеологией будет буржуазная, декларирующая демократические свободы. Интересы личности превалируют над общественными интересами. Рабочий класс четко и ясно обозначен. Он имеет свои общественные организации, профсоюзы и даже партии. Он закален в классовой борьбе, знает, как завоевывать и отстаивать свои права. Все предельно очевидно и ясно как социально, экономически, так и политически. Все признаки целостной системы и здесь явно налицо. Речь тут вовсе не идет о том, какая система эффективнее или лучше. Главное – и та, и другая системы целостные.

Сегодня социально-экономическая система России потеряла все признаки целостности. Правящего класса в России нет, так как нет развитой выкристаллизовавшейся формы собственности, чей субъект бы отождествил свои интересы с государственными интересами и был бы одинаково заинтересован в их защите. Ведь общественные классы прямо связаны с производственными отношениями, а через них – опосредованно – с производительными силами общества. Ф. Энгельс отмечал, что «...общественные классы являются в каждый данный момент продуктом отношений производства и обмена, словом – экономических отношений своей эпохи» [8, с. 26]. Таким образом, есть миллионы предпринимателей, но нет их как класса, который, по К. Марксу, из класса «в себе» превратился бы в класс «для себя». Они сегодня даже не класс в себе. Где, когда, в какие сроки им осознавать свой общий классовый интерес, да еще и отождествить их с государственными интересами. Имея колоссальные финансовые возможности, они даже не могут выработать свою буржуазную идеологию и органи-

зовать свою политическую партию. Не дозрели социально, экономически и политически. И не зря. Не зря потому, что нет и главного фактора их созревания как класса – рабочих, точнее, рабочего класса. Их политического антипода. Есть десятки миллионов рабочих, находящихся в разброде и шатании. Нет только рабочего класса, единого, сплоченного, осознавшего свой классовый интерес и защищающего его. «В борьбе... и только в борьбе эта масса спланивается, она конституируется как класс для себя» [7, с. 183]. Не «независимые профсоюзы», которых рабочие не формировали, не выдвигали и, главное, никто не уполномочивал их защищать интересы рабочих. Именно в их отношении со всей ответственностью можно произнести знаменитую реплику В. Ленина о народниках – «Страшно далеки они от народа». Коммунистическая партия сама по себе, рабочие сами по себе. Так что и у рабочих по большому счету нет своей партии, которая бы теоретически могла разработать его идеологию и защищать права рабочих в соответствии с этой идеологией, подводя их медленно, но верно к состоянию класса. Следовательно, созревание отношений собственности, классов и классовых отношений и социально-классовой, идеологической и прочей архитектуры общества идут параллельно и одновременно, обуславливая и отставание и развитие друг друга.

Нет класса буржуазии, нет рабочего класса. Следовательно, нет главных движущих сил общественного прогресса. А значит, один из важнейших законов диалектики не работает – закон единства и борьбы противоположностей. А время созревания социально-экономической структуры новой целостной системы затягивается.

Что же есть на самом деле? Есть управляющее военно-бюрократическое чиновничество, которое не столько видит себя, свое место в государственной системе, сколько государственную систему в себе. Отсюда и совершенно очевидное и понятное, но невероятное в нормально структурированном – социально и экономически – государстве явление – ст. 13 п. 2 Конституции Российской Федерации: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [4, с. 2]. Нет государственной идеологии и не может ее быть. По определению. Но ведь совершенно закономерно, что общество социально-экономическая система, не имеющая своей идеологии, не может сформулировать свою национальную идею, которая бы объединила все классы и социальные слои населения в едином порыве достичь указанной Цели, в соответствии с этой идеей. Ну что-то вроде мифической «американской мечты» или «строительства коммунизма – светлого будущего всего человечества». Ускорила бы, тем самым, формирование четкой и ясной социально-классовой структуры – первого и главного признака Целостности системы. Единственно кто выигрывает от такого положения с национальной идеологией – это чиновничество, которое себя прекрасно чувствует, присваивая государственную и политическую власть как частную собственность (К. Маркс). И оно из всех сил будет стараться, чтобы не было этой идеологии как можно дольше. Следовательно, мы определенно можем сказать – отсутствие идеологии, зафиксированной в основном законе страны, есть высшая форма идеологии. А самое главное, такое «отсутствие – присутствие» идеологии значительно увеличивает продолжительность протекания переходных процессов.

Остановимся еще на одном экономическом явлении, столь же определенно показывающем длительность переходности нашей экономики. Любому студенту-первокурснику известны два простейших экономических закона – законы спроса и предложения. Закон спроса свидетельствует о том, что с ростом цены падает спрос, а с понижением цены спрос возрастает. Аксиома. Это известно и экономически неграмотному человеку, регулярно покупающему продукты на рынке. Закон же предложения гласит о том, что с ростом цены растет и предложение. И наоборот – с понижением цены падает и предложение. Еще одна аксиома в экономической теории. Если в первом случае у цены и спроса обратная связь, то во втором – прямая. В современной переходной России эти два незыблемых объективных экономических закона практически не работают. Начиная с 1992 г. рост цен постоянен. Меняются лишь масштабы роста. Темпы инфляции за 23 года не опустились ни разу ниже 6,5 % в год. Но и рост спроса при этом не останавливается. Меняются лишь его масштабы. Иначе говоря, растут цены – растут и спрос. Как спрос на отдельный товар, так и совокупный спрос. Точно таким же образом не работает и закон предложения. Рост цен очевиден, а рост предложения – он есть – но он настолько ниже в темпах, что его не столько связывают с ростом цен, сколько с очевидным ростом спроса как следствие роста нефтяных доходов. Безусловно, такое действие двух экономических законов имеет несколько объяснений, но они все вытекают из переходного характера российской экономики и значительно увеличивают длительность ее протекания.

О том же говорят и современные экономические кризисы в России. Как известно, они являются важным фактором периодического обновления рыночной экономики, ее совершенствования. Как правило, экономические кризисы – это кризисы перепроизводства. Еще одна экономическая аксиома. Притом неважно, это перепроизводство товаров, денег, ценных бумаг или чего-то еще. От этого меняются лишь характер и направление развития самого кризиса. То ли он промышленный, то ли финансовый, то ли аграрный. Важно то, что во всех случаях он характеризуется перепроизводством соответствующих продуктов или услуг. Теперь взглянем на кризисы в современной России пристальнее. Конечно, кризис 2008–2009 гг. был составной частью мирового финансового кризиса, перешедшего в полномасштабный экономический. Конечно же, как и положено, выросла безработица, снизилось производство, но не последовало ни снижения цен – они продолжали расти, ни снижения уровня жизни населения – он тоже вырос, ни разорения сотен или тысяч предприятий, потому что не было никакого перепроизводства. А разорялись в основном те предприятия, которые были заняты в сфере услуг. Их перепроизводство давно наблюдается в российской экономике и это объясняется непропорциональным развитием банковского и промышленного секторов экономики. Уровень развития сферы услуг значительно выше, чем реального сектора. Это в экономическом смысле слова – нонсенс, бессмыслица. Начинаящийся современный экономический кризис аналогично является не результатом развития рыночной экономики и уж его никак нельзя квалифицировать как кризис перепроизводства. Скорее всего, эти два кризиса являются ярким свидетельством огромной зависимости российской экономики от экономики США, Европы и других

рынков. Трясет их, естественно, трясет и нас (2008–2009 гг.). Необходимо в политическом отношении приструнить Россию, чтобы она не очень усиливалась, включим экономические рычаги (2014–2015 гг.). Результат в обоих случаях – экономический кризис как следствие воздействия внешних факторов. Внутренние же движущие силы кризиса в России не идентифицируются ни по Марксу, ни по Кейнсу, ни по Шумпетеру.

Одной из самых существеннейших причин незавершенности рыночных преобразований является слабое развитие конкуренции. А как известно, конкуренция – необходимое и достаточное условие существования рынка. Отсюда очевидные вопросы. В каком качественном состоянии находится конкуренция в современной российской экономике? Что и кто мешает ей в развитии? Вопросы, требующие ответа.

На Западе – в Англии и Голландии, затем во всех европейских странах рыночная экономика начиналась и развивалась при чистой, совершенной конкуренции. При этом она активно защищалась государством, к чему его неустанно призывали как экономисты, так и сами предприниматели. Развивалась и сама конкуренция, совершенствуя и умножая свои формы, виды, сферы. Естественным результатом этого развития через 300–350 лет стало появление несовершенной конкуренции: монополистической, олигополии, чистой монополии. Зарождаются и разнообразятся и формы недобросовестной конкуренции. Необходимо уяснить одно. Все формы несовершенной конкуренции плоть от плоти порождение и результат исторического развития самой чистой, совершенной конкуренции. Методом восхождения от простого к сложному, от абстрактного к конкретному. Диалектически. Через действие закона отрицания отрицания. Развиваясь вширь и вглубь. При этом параллельно общественное производство восходило от мануфактуры к капиталистической фабрике, а от нее к монополиям. В конечном итоге капитализм трансформируется в империализм, а чистая совершенная конкуренция – в несовершенную, в различных формах монополистической конкуренции.

В России мы начинали «строить» рыночную экономику практически при стопроцентной монополизации общественного производства, являющейся не результатом развития чистой, совершенной конкуренции, а разгосударствления и приватизации общественной собственности. Плановая экономика по своей сути предусматривает монополизацию экономики. Но здесь все монополии государственные, между которыми никакой конкуренции нет и не может быть. А в «монополии» никто не вкладывает того социального и экономического смысла и содержания, которое наличествует в них на конкурентном рынке. Но монополия остается монополией в любой социальной системе. Она и при социализме господствовала над потребителем не менее разнообразно, чем в рыночной системе. Однако в нашей переходной экономике исторические закономерности развития конкуренции перевернуты. Если на Западе она развивалась от простых форм к более сложным совершенно логично во времени, то тут, в России, движение идет от сложных форм к простым. Не от корней к вершине, а от вершины к корням. Вопреки логике времени. Насколько перспективным и эффективным может быть такое развитие конкуренции?

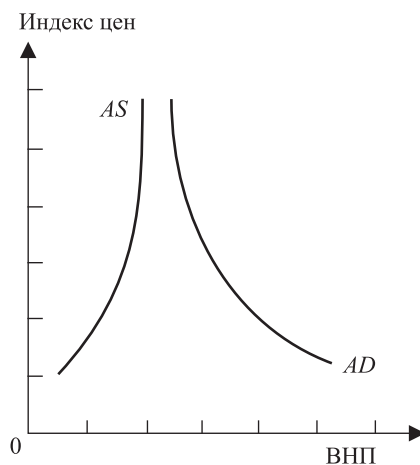
Очевидно, без конкуренции нет полноценного современного рынка. Что необходимо сделать в современной российской экономике, чтобы в ней в полной мере проявилась созидательная сила конкуренция, став тем самым двигателем ее развития, какой она была и есть на Западе? Может ли она стать ею, развиваясь вспять? Возможен ли в принципе обратный путь – от монополии к свободной конкуренции? И если это возможно, то сколько времени займет прохождение этого пути?

Может быть, мы «ломаем копья» зря, справедливо полагая, что «система не помнит своего прошлого»? История ведь не повторяется, тем более не имеет обратного хода. Как выйти из этого тупика? Вот вопросы, требующие незамедлительного ответа.

Еще одно серьезное экономическое обстоятельство, мимо которого мы не можем пройти. Важнейшим показателем устойчивости и стабильности экономики на макроуровне является или само макроэкономическое равновесие, или возможность его достижения при определенных экономических условиях, наличествующих в экономике. Существуют десятки теорий его достижения, а также и перечень необходимых условий его достижения. Здесь речь не идет о том, какой вариант достижения макроэкономического равновесия предпочтительнее или более обоснован. Проблема заключается в том, что на макроэкономическом уровне в российской экономике нет точки пересечения кривых совокупного спроса (AD) и совокупного предложения (AS), а, следовательно, нет самого равновесия на уровне собственного национального производства (см. рисунок). На графике все пространство влево от кривой AD и до оси ординаты представляет собой совокупный спрос. Все пространство влево от кривой AS – это часть спроса, которая удовлетворяется за счет собственного национального производства. Пространство между двумя кривыми AD и AS – часть спроса, удовлетворяемая за счет импорта.

График свидетельствует прежде всего о большой зависимости российской экономики от импорта. В целом на уровне ВВП она составляет 40 %. По некоторым отраслям до 80 %. Например, машиностроение. Зависимость от импорта зашкаливает за всякие разумные рамки. В этом смысле современный экономический кризис является подлинным благом для российской экономики. Хотя бы потому, что на уровне высшего менеджмента страны реальную экономическую угрозу, наконец-то, осознали, поняли и речь теперь непосредственно идет об импортозамещающем производстве. Это первое. Второе. График свидетельствует, что, безусловно, с развитием производства идет сближение двух кривых и со временем они пересекутся. Это очевидно. Однако здесь принципиальное значение имеет то, когда это произойдет. В любом случае, рано или поздно эти две кривые

Рыночное «равновесие» в российской
экономике

соприкоснутся и определится точка их пересечения. Но это произойдет на очень высоком уровне цен, как это видно на графике. Следовательно, при относительно низком уровне жизни населения. И, наконец, если нет точки пересечения кривых совокупного спроса и совокупного предложения, то нет и автоматически действующего рыночного механизма. Выше уже отмечалось, на первый взгляд, странное невыполнение требований законов спроса и предложения. Как видно, ничего странного в этом явлении нет. Две кривые AD и AS «гуляют» сами по себе по квадранту, подчиняясь только одной объективной силе – отсутствию отлаженного экономически рыночного механизма и свидетельствуя о большой зависимости российской экономики от импорта. Как только кривые AD и AS найдут точку соприкосновения–пересечения, законы действия рыночного механизма обретут экономическую основу и заработают в полную силу. Но суть вопроса в том и заключается – когда?

Процессу затягивания продолжительности переходных процессов способствует и такое, на первый взгляд, совершенно нелогичное экономически явление, как противостояние банковского и промышленного секторов экономики. Известно, что ссудный процент и его составляющий элемент – банковский – является определенным критерием эффективности капиталовложений, своего рода ориентиром для промышленных и иных капиталистов при осуществлении инвестиций. Если возможная прибыль в той или иной отрасли будет выше, чем прибыль в банковской сфере (банковский процент), то они будут вкладывать деньги в данную отрасль. Если же наоборот, то они спокойно кладут деньги в банк, который им обеспечит некую среднюю прибыль по вкладам. Если же возможная средняя прибыль равна банковскому проценту, значит, на рынке господствует свободная межотраслевая конкуренция в чистом виде.

В России в течение всего реформенного времени ссудный процент устойчиво превышает уровень рентабельности реального сектора, которая оказывается даже ниже ставки рефинансирования. При этом такая ситуация усугубляется со временем. Перекос рентабельности в пользу банков усиливается и приобретает чудовищные масштабы. Так, например, рентабельность капитала в банковском секторе с 2003 по 2008 г. (период наиболее благоприятного экономического развития России) возросла с 18 до 26,4 %, а рентабельность реального сектора – с 2,6 до 3,2 % [9, с. 26]. И хотя банковский процент является всего лишь частью ссудного процента, даже он выше средней прибыли в промышленности в 3 – 4 раза. Но самое главное здесь то, что и в 2003 г., и в 2008 г. рентабельность банковского сектора была в 8 раз выше. Сегодня в условиях угрозы нового экономического кризиса эта тенденция усиливается. Следовательно, обостряются и противоречия между реальным и банковским секторами. Темп роста реального сектора вместо ожидаемых 4,2 % составил около 1 %, а рентабельность банковского сектора возросла.

Такие показатели свидетельствуют о том, что, во-первых, в экономике отсутствует свободная межотраслевая конкуренция, а стало быть механизм образования средней прибыли не работает; во-вторых, в российской экономике господствуют монополии, преимущественно банковские, которые блокируют механизм действия межотраслевой конкуренции; в-третьих, и

это естественно, продолжается регулярная откачка средств из реального сектора в банковский.

Однако главный вывод заключается в том, что при таком соотношении рентабельности банковского и реального секторов эффективное развитие экономики просто невозможно, ибо материальная основа эффективного развития – реальный сектор – угнетается. А о перспективах модернизации российской экономики придется забыть, если положение с межотраслевой конкуренцией не изменится. Заметив это, О. Сухарев пишет: «...разрыв между процентом и рентабельностью реальных секторов представляется институциональной проблемой, решение которой возможно только при реструктуризации банковской системы, так чтобы понизить процент под реальную рентабельность, а также настроить банковский сектор под потребности реальных секторов экономики» [9, с. 26]. Необходимо отметить, что такая диспропорция в рентабельности различных секторов экономики в целом не свойственна рыночной экономике и именно по причине защиты государством конкуренции в целом и межотраслевой – в частности.

Как мы уже отмечали выше, исторически промышленный капитал предшествует банковскому капиталу, а уровень развития последнего объективно обуславливается развитием первого. Закономерности развития банковского капитала в России нарушены в результате возвратно-поступательного движения рыночных преобразований. Ведь переход к рыночной экономике осуществляется по исторической лестнице назад. Банковский капитал своим стремительным взлетом обязан процессам приватизации и разгосударствления общественной собственности, так или иначе осуществляемых в финансовой форме. Но никоим образом – развитию реального сектора. Кроме того, эти громадные ресурсы перетекли в третичную сферу – сферу услуг, куда входит и банковская сфера. Занимая все более прочные экономические позиции, банковский капитал лишает себя близкой и далекой перспективы в противостоянии с реальным сектором экономики.

Опираясь на экспортные возможности российской экономики, возникший диссонанс между банковским и реальным секторами экономики усиливается. Банковский капитал, развиваясь значительно быстрее промышленного, приходит с ним в противоречие. В итоге вместо их слияния и совместного прогресса их развитие идет параллельно. Такая динамика развития банковского и реального секторов экономики может привести страну к экономическому застою, а то и к социально-экономическому взрыву.

Возникает вопрос – до каких пор противостояние двух глобальных секторов экономики России будет длиться? Ведь это реальное противоречие между производительными силами и производственными отношениями, разрешение которого чаще всего носит, к сожалению, длительный и разрушительный характер.

Кроме сказанного выше, существуют еще десятки проблем, разрешение которых требует значительного времени. Однако достаточно примеров. Каждая из перечисленных проблем отдельно и все вместе не дают нам возможности сформулировать оптимистичный прогноз относительно продолжительности переходных процессов. Опираясь на исторический опыт, можно сказать только одно – переходная экономика – это длительная, нудная, рутинная и повседневная работа над самими собой. Но именно такая работа

является эффективной, способной нас привести к успеху, к созданию новой целостной общественной системы. А как скоро это случится – вопрос не такой уж и важный.

Литература

1. *Баликов В.З.* Общая экономическая теория: учеб. по экон. специальностям. 15-е изд., стер. М.: Омега-Л, 2014. 684 с.
2. *Белокрылова О.С.* Концептуальные основы переходной экономики // Экономика и жизнь. 2005. № 5.
3. *Бузгалин А.В.* Переходная экономика. Курс лекций. М.: МГУ, 2006.
4. Конституция Российской Федерации. М.: Юристъ, 2014.
5. Конституция СССР. 1936 г. М.: ОГИЗ, «Московский рабочий», 1936.
6. *Куликов В.В.* Социальные императивы продолжения экономического реформирования // РЭЖ. № 1. 2000.
7. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Собрание соч. 2-е изд. Т. 4.
8. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Собрание соч. 2-е изд. Т. 20.
9. *Сухарев О.* Диспропорции экономического развития: спекулятивная цена ресурсов и отрыв финансовой системы от производства благ // Инвестиции в России. 2009. № 7.
10. <http://www.protown.ru/information/hide/6591.htm>.

Bibliography

1. *Balikoev V.Z.* Obshhaja jekonomicheskaja teorija: ucheb. po jekon. special'nostjam. 15-e izd., ster. M.: Omega-L, 2014. 684 p.
2. *Belokrylova O.S.* Konceptual'nye osnovy perehodoj jekonomiki // Jekonomika i zhizn'. 2005. № 5.
3. *Buzgalin A.V.* Perehodnaja jekonomika. Kurs lekcij. M.: MGU, 2006.
4. Konstitucija Rossijskoj Federacii. M.: Jurist#, 2014.
5. Konstitucija SSSR. 1936. M.: OGIZ, «Moskovskij rabochij», 1936.
6. *Kulikov V.V.* Social'nye imperativy prodolzhenija jekonomicheskogo reformirovanija // RJeZh. № 1. 2000.
7. *Marks K. i Jengel's F.* Sobranie soch. 2-e izd. T. 4.
8. *Marks K. i Jengel's F.* Sobranie soch. 2-e izd. T. 20.
9. *Suharev O.* Disproporcii jekonomicheskogo razvitija: spekulativnaja cena resursov i otryv finansovoj sistemy ot proizvodstva blag // Investicii v Rossii. 2009. № 7.
10. <http://www.protown.ru/information/hide/6591.htm>.